

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

У ЖУ-КАН и Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

О НЕПРЕРЫВНОСТИ РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ТИПА, ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И КУЛЬТУРЫ ЛЮДЕЙ ДРЕВНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ КИТАЯ

1

Историю первоначального расселения людей в Восточной Азии естественно начинать с вопроса о времени появления на этой территории древнейших их представителей — ископаемых гоминид. Новейшие палеонтологические материалы, добытые китайскими учеными, позволяют предполагать, что Восточная Азия (или, во всяком случае, ее южная материковая часть — юг и особенно юго-запад современного Китая) могла входить в ту обширную зону земного шара, в пределах которой на рубеже третичного и четвертичного периодов происходило постепенное превращение какой-то группы антропоидов в людей. Гипотезе этой не противоречат также геологические и палеогеографические данные, показывающие, что в указанную эпоху на юго-востоке азиатского материка почти повсеместно господствовал теплый климат, а влажные тропические леса чередовались с более открытыми ландшафтами типа саванн, наиболее частыми в предгорьях.

Большое значение для проблем эволюции и расселения предков гоминид имеют находки ископаемых зубов дриопитека на юго-западе Китая в уезде Кейюань провинции Юньнань. Зубы эти, обнаруженные в 1956—1957 гг. группой китайских геологов в нижнеплиоценовых слоях, были описаны одним из авторов настоящей статьи, который отнес их к особому виду дриопитека — дриопитеку кейюаньскому (*Dryopithecus keiyuanensis*), по многим признакам близкому к дриопитеку панджабскому (*Dryopithecus punjabis*) из Сиваликских холмов северной Индии¹. Всего в Кейюане до настоящего времени (август 1959 г.) найдено десять нижних зубов дриопитека (моляров и премоляров), принадлежавших, по-видимому, двум особям — самке и самцу. Вместе с этими зубами обнаружены коренные тетралофодона (*Tetralophodon*), очень характерного для фауны понтийского века начала плиоцена.

Как известно, многие специалисты (в том числе большинство советских антропологов) считают дриопитеков ископаемыми антропоидами, относительно близкими к гипотетическим третичным предкам гоминид.

¹ Woo Ju-kang, *Dryopithecus teeth from Keiyuan, Yunnan province*, «Vertebrata Palasiatica», т. I, No 1, 1957, стр. 25—31; его же, *New materials of Dryopithecus from Keiyuan Yunnan*, там же, т. I, № 1, 1958, стр. 38—43.

Хотя вопрос этот и нельзя считать окончательно решенным, несомненно все же, что различные виды азиатских и европейских дриопитеков обнаруживают известное морфологическое сходство с древнейшими гоминидами. Установление пределов расселения указанных третичных обезьян очень важно для разработки проблемы прародины всего человечества. Вполне возможно, что место находки кейюаньского дриопитека было расположено недалеко от восточных рубежей этой прародины, примыкавшей, по мнению многих исследователей, к Гималайским горам.

В данной связи интересно вспомнить о гипотезе Г. Ф. Дебеца, который, развивая и углубляя соображения, высказанные акад. П. П. Сушкиным², указывал на открытые гористые пространства Центральной и Передней Азии как на возможную зону превращения обезьяны в человека³.

Значительный интерес для понимания путей развития высших приматов в конце третичного и начале четвертичного периодов представляют костные находки гигантопитеков на юге Китая. Первоначально (1935) огромный моляр этой обезьяны был обнаружен в одной из китайских аптек Гонконга, где он использовался в качестве лечебного средства. Позднее Кенигсвальд и Вейденрейх описали еще семь зубов гигантопитека, приобретенных в Индонезии⁴. В 1955—1956 гг. специальная экспедиция Института палеонтологии Академии наук КНР под руководством Пэй Вэнь-чжуна приобрела в кооперативных лавках Гуандуна и Гуанси еще 47 зубов рассматриваемого животного, а также нашла *in situ* три его зуба в одной из пещер уезда Дасинь провинции Гуанси. При дальнейших раскопках в уезде Лючэн в центральной части Гуанси были найдены три нижние челюсти гигантопитека вместе с костями других млекопитающих, принадлежащих к характерной для южного Китая четвертичной теплолюбивой фауне (крупные оранг-утаны, панды, тапиры, стегодоны, мастодонты и др.)⁵.

Судя по размерам зубов и челюстей, гигантопитеки были самыми большими из всех известных до настоящего времени современных и ископаемых высших приматов. По объему коренные зубы гигантопитеков почти в шесть раз превосходят соответствующие зубы человека. Общая длина тела гигантопитека значительно превышала, по-видимому, два метра, а вес его мог достигать 250 кг и более. По тотальным размерам обезьяна эта больше всего напоминала горилл. По многим признакам строения зубов и нижней челюсти гигантопитеки заметно отличались от всех гоминид, в том числе и от их древнейших представителей (питекантропов, синантропов, гейдельбержцев). В то же время по некоторым особенностям зубы гигантопитеков приближались к человеческим (резцовообразные клыки, слабо выраженная диастема и др.).

Пэй Вэнь-чжун справедливо рассматривает гигантопитеков как крупных антропoidов, по отдельным признакам приближавшихся к гоминидам, но ни в коем случае не принадлежавших к ним. Мнение Вейденрейха о том, что эти животные были не обезьянами, а древнейшими гигантскими людьми («гигантропами»), не может считаться обоснованным уже

² П. П. Сушкин, Высокогорные области Азии и происхождение человека, «Природа», 1928, № 3, стр. 250—279.

³ Г. Ф. Дебец, Территория СССР и проблема родины человека, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XVII, М., 1952, стр. 3—17.

⁴ G. H. R. Koenigswald, *Gigantopithecus blacki* von Koenigswald, a giant fossil hominoid from the pleistocene of Southern China, «Anthropological papers, American Museum of Natural History», 43, 1952, стр. 291—326; F. Weidenreich, Giant early man from Java and South China, там же, 40, 1945, стр. 1—134.

⁵ Pei Wen-chung, Woo Ju-kang, New materials of *Gigantopithecus* Teeth from South China, «Acta Palaeontologica Sinica», с. 4, No 4, 1956, стр. 477—490 (на кит. яз. с англ. резюме); У Жу-кан, Предварительное сообщение о зубах и нижних челюстях гигантопитека, 1958 (рукопись).

потому, что гигантопитеки напоминают гоминид только по отдельным признакам, отличаясь от них по ряду других, часто очень существенных морфологических особенностей. Против отнесения гигантопитеков к гоминидам или даже их включения в число предков современного человечества говорят, в частности, огромные размеры тела. Мало вероятно, что в дальнейшем они по каким-то причинам сократились: в эволюции животного мира подобные случаи наблюдаются очень редко. В то же время вполне допустимо, что гигантопитеки стояли на пути известного приближения к гоминидам в связи с наземным образом жизни.

Вопрос о геологическом возрасте остатков гигантопитека довольно сложен. Предположение об их принадлежности к так называемой стегодон-аилуроподной фауне, характерной для среднего плейстоцена южного Китая, по-видимому, недостаточно обосновано. Возможно, что кости животных, входивших в состав этой фауны, попали в пещеры Гуанси вторично и совсем не одновременно с костями гигантопитеков. Правильнее связывать последние с зубами мастодонта, который жил на юге Китая не позднее, чем в период раннего плейстоцена⁶. Морфологические признаки гигантопитека показывают, что он мог принадлежать к специализированной ветви понгидов (исчезнувшей, вероятно, уже в первой половине четвертичной эры). Генетически гигантопитек мог быть потомком гигантского индопитека среднесиваликских слоев северной Индии, зубы которого, отличавшиеся огромными размерами, по некоторым признакам сходны с зубами гигантопитека⁷.

Подводя итоги всему сказанному о костных остатках дриопитеков и гигантопитеков, обнаруженных за последние годы на юге Китая, следует особо подчеркнуть, что остатки эти — очень веский аргумент в пользу гипотезы о широком расселении в Восточной Азии плиоценовых и раннеплейстоценовых человекообразных обезьян, среди которых могли быть как непосредственные предки гоминид, так и близкие к ним формы, частично развивавшиеся по пути очеловечения, но позднее, вероятно, вымершие. Дальнейшие исследования должны показать, насколько обширен был ареал расселения этих древних антропоидов и насколько он далеко простирался, в частности к северу, на территории современного Китая. Климатические условия того времени во всяком случае допускали обитание теплолюбивых приматов даже в Корее и Монголии.

2

Древнейшими достоверными представителями гоминид в Восточной Азии (исключая Индокитай и Индонезию) были, вне всякого сомнения, синантропы, или пекинские люди (бэйцзинжэнь), по терминологии китайских авторов. Костные остатки этих людей были обнаружены большей частью в пещере Юаньжэньдун около Чжоукоудяня, в 54 км от Пекина, китайскими и некоторыми зарубежными исследователями. С 1927 по 1937 г. там было найдено большое количество человеческих костей и зубов, включая 5 почти полных черепов, 9 черепных фрагментов, 14 кусков нижних челюстей и т. д. После Освобождения раскопки, прерванные японской оккупацией, были возобновлены Академией наук КНР. В 1949 и 1951 гг. было обнаружено пять зубов синантропа, одна плечевая и одна большеберцовая кости. Эти находки изучались проф. Цзя Лань-по и одним из авторов настоящей статьи (У Жу-каном); о них опубликовано несколько работ на китайском и английском языках.

⁶ У Жу-кан, Предварительное сообщение о зубах и нижних челюстях гигантопитека.

⁷ Там же.

По новейшим геологическим и палеонтологическим данным костные остатки синантропов должны быть отнесены к концу среднего плейстоцена; они синхронны, по-видимому, второму межледниковому периоду Гималаев. В абсолютных датах это соответствует примерно периоду от 500 до 300 тыс. лет до н. э. Естественно-географические условия, в которых жили синантропы, сравнительно мало отличались от современных; можно предполагать только, что климат северного Китая в то время был несколько более мягким и влажным, чем теперь⁸.

В окрестностях Чжоукоудяня чередовались степные и лесные ландшафты и жили различные животные, связанные как с теми, так и с другими. Вместе с синантропами встречаются кости древних слонов, верблюдов, антилоп, буйволов, носорогов, различных оленей, диких козлов, медведей, махайродов (саблезубых тигров), гиен, нескольких видов грызунов.

По большинству морфологических признаков синантропы отличались более прогрессивными особенностями по сравнению с жившими несколько ранее яванскими питекантропами. Восстанавливая приблизительно полные размеры длинных костей нижних конечностей, советские антропологи вслед за Вейденрейхом определяют средний рост мужских особей синантропа в 162—163 см, а женских — в 152 см⁹. В отличие от питекантропов, синантропы, по-видимому, уже вполне усвоили вертикальную походку, хотя и обладали еще большим количеством примитивных черт в строении скелета, черепа, зубов и мозга. Руки «пекинских людей» были полностью свободны от функций передвижения и всецело использовались для трудовой деятельности. Это доказывается как разнообразием и сложностью орудий, изготовлявшихся синантропами (см. ниже), так и некоторыми особенностями строения их конечностей.

Череп синантропов — удлиненные, очень низкие, большей частью узколобые; черепные кости отличаются большой толщиной. Лоб, однако, не такой покатый, как у питекантропов. Характерно значительное развитие надглазничного валика, наличие прогнатизма, большая ширина лица в сравнении с высшим, тенденция к широконосости. Жевательный аппарат отличался большей мощностью, чем у современного человека, хотя и был развит слабее по сравнению с питекантропами. Зубы синантропов сохраняли ряд архаических особенностей: коронки моляров были очень массивными — длинными и широкими, но в то же время низкими; на коренных и предкоренных был резко выражен своеобразный рисунок, известный в специальной литературе под названием узора дриопитека. Диастемы, однако, отсутствовали. Очень характерно резкое различие по величине и массивности между мужскими и женскими зубами; различия эти указывают на выраженный половой диморфизм.

Вместимость мозгового черепа синантропов составляла в среднем 1075 см³, тогда как у питекантропов она равнялась 867 см³, а у современных людей — 1400 см³. Отдельные мужские особи «пекинских людей» обладали величиной мозга, встречающейся иногда и у современных людей, — до 1225 см³. Однако форма мозговой полости синантропов сохраняла немало примитивных особенностей. Так, ее высота в процентах длины равнялась только 64,6 (у *Homo sapiens* — 78,7). Передний отдел лобных долей был сильно суженным, теменная область — уплощенной, височные доли — узкими. Все это показывает, что психическая деятельность синантропов, хотя и была несомненно весьма сложной, не до-

⁸ См., например, У Жу-кан и Цзя Лань-по, Новые открытия, относящиеся к *Sinanthropus pekinensis* в Чжоукоудяне, «Acta Palaeontologica Sinica», т. II, № 3, 1954, стр. 267—288 (на кит. яз.); Woo Ju-kang, Chia Lan-po, New discoveries about *Sinanthropus pekinensis* in Choukoutien, «Scientia Sinica», т. III, 1954, стр. 335—351.

⁹ Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин, Основы антропологии, М., 1955, стр. 230; М. Ф. Нестурх, Происхождение человека, М., 1958, стр. 258.

стигала еще высокого уровня мышления людей современного вида. По мнению В. В. Бунака, для синантропов (как и для питекантропов) в области мышления были характерны, наряду с разнообразными представлениями, и начальные понятия, а в области речи — выкрики-призывы, находившие выражение в определенных, но еще слабо дифференцированных артикуляциях¹⁰.

В научной литературе вопрос о морфологическом и генетическом соотношении синантропов с другими древнейшими гоминидами получил различное освещение. В то время как Ф. Вейденрейх считал питекантропов, синантропов и даже гейдельбержцев Западной Европы более или менее синхронными формами и различия между ними рассматривал как региональные, по масштабу соответствующие расовым различиям современного человечества¹¹, большинство китайских и советских антропологов видят в «пекинских людях», по сравнению с яванскими обезьянолюдьми, более высоко организованный тип гоминид. Действительно, синантропы, с их большим, чем у питекантропов, объемом мозговой коробки, менее плоским лбом и некоторыми другими относительно прогрессивными чертами, заметно отличаются от питекантропов в сторону приближения к людям современного вида, хотя и включаются в первую «протоантропическую» стадию эволюции гоминид¹².

Что касается расовых различий внутри этой стадии, то огульно отрицать их существование, конечно, не приходится, особенно если принять во внимание огромную территорию расселения протоантропов, простиравшуюся от современного Китая (синантропы) и Явы (питекантропы) на востоке до Германии (гейдельбержцы) и Алжира (атлантропы). Нет, однако, серьезных оснований связывать вслед за Вейденрейхом эти древние формы гоминид с определенными современными расами, рассматривая, в частности, синантропов как исходный тип развития всех монголоидов. Как известно, для доказательства специфического родства «пекинских людей» с позднейшими азиатскими и американскими вариантами монголоидной большой расы Вейденрейх указывал на некоторые морфологические признаки, свойственные тем и другим, в особенности на лопатообразную форму верхних наружных резцов и на ореховидные вздутия на внутренней стороне альвеолярного отдела нижней челюсти.

Однако Я. Я. Рогинский обратил внимание на недостаточную обоснованность подобных построений¹³. Оказалось, например, что ореховидные вздутия у современных китайцев встречаются в 15%, у бушменов — в 32%, у древних норвежцев в Гренландии — в 66%. Очевидно, особенность эту никак нельзя считать специфической для монголоидов. Что касается лопатовидности резцов, то она действительно характерна для большинства монголоидных групп, включая и американских индейцев; но зато для синантропов признак этот не является специфичным: он отмечен, например, у некоторых европейских неандертальцев (череп из Ле Мустье и Крапины), а также на зубах женщины неандертальского типа из грота Табун в Палестине. Современные расы в период жизни синантропов и других протоантропов, надо думать, еще не сложились; формирование их относится к гораздо более позднему времени.

¹⁰ В. В. Бунак, Происхождение речи по данным антропологии, Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, Нов. серия, т. XVI, М., 1951, стр. 203—290.

¹¹ F. Weidenreich, The skull of *Sinanthropus pekinensis*: a comparative study on a primitive hominid skull, *Palaeontologica Sinica*, Ser. D. № 10, 1943, стр. 1—298.

¹² Woo Ju-kang, Human fossils found in China and their significance in Human evolution, *Scientia Sinica*, т. V, 1956, № 2, стр. 389—397.

¹³ Я. Я. Рогинский, Теории моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения человека и его рас, М., 1949; его же, Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека, Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», стр. 153—204.

Тем не менее морфологическое разнообразие самих протоантропов никак нельзя игнорировать или сводить только к стадильному моменту: невозможно ведь построить непрерывный эволюционный ряд, в котором последовательные ступени занимали бы столь удаленные друг от друга виды, как питекантропы, синантропы, атлантропы и гейдельбержцы. Стадильное развитие в истории этих видов ископаемых сочеталось с локальной дифференциацией. Можно предполагать, что все перечисленные формы древнейших гоминид имели общих предков в лице третичных антропоидов — вероятно, близких к дриопитекам, расселенных на обширной, но все же ограниченной территории в пределах Восточной, Центральной, Южной и Юго-Западной Азии, а, может быть, частично и в пределах Африки. Питекантропы и синантропы были, возможно, потомками наиболее восточных разновидностей этих антропоидов; первые постепенно расселялись из гипотетической человеческой прародины на юго-восток, вторые же — на северо-восток. Ареал превращения обезьяны в человека, как указывалось выше, мог сравнительно близко подходить к территории Китая, а может быть, и захватывать его, по крайней мере частично.

3

Костные остатки синантропов сопровождалась, как известно, находками многочисленных каменных орудий, разбитых и обожженных костей животных и золы, что свидетельствует об употреблении огня. Орудия изготовлялись как из ядрищ, так и из отщепов; материалом служили различные вулканические породы, роговой камень, тонкозернистый песчаник, кварц и изредка кремень. Форма орудий довольно разнообразна: среди них встречаются дисковидные скребла со слегка ретушированными краями, изделия типа острокопечников и т. п. Наиболее древние поделки обнаружены на дне пещеры Юаньжэньдун в местонахождении № 13 на глубине 4 м; найденные здесь разбитые куски кварца, обожженные кости и грубо обработанные орудия из рогового камня Пэй Вэнь-чжун относит к началу среднего плейстоцена (600—300 тысяч лет до н. э.). Это, по-видимому, самые ранние следы деятельности людей на территории современного Китая¹⁴.

Большинство орудий синантропов найдено, однако, вместе с их костными остатками в той же пещере в местонахождении № 1. Здесь различают 12 слоев, общей толщиной в 5 м; из них три слоя являются основными, они содержат максимальное количество скелетных и хозяйственно-культурных остатков. Заслуживает особого внимания факт нахождения в верхнем, «травертиновом», слое, состоящем из красных глин и сталагмитовых прослоек, скреблообразных орудий из рогового камня гораздо лучшей выделки по сравнению с инвентарем нижних слоев. Значительный интерес представляют также находки из местонахождений № 15, 4 и 3, датируемые более поздним временем, чем орудия из пещеры Юаньжэньдун (300—200 тыс. лет до н. э.). Среди этих находок обращают на себя внимание остатки страусов и тушканчиков, свидетельствующие о более сухом климате, чем в предшествующие периоды. Орудия труда сходны с найденными в местонахождении № 1. Однако техника обработки камня здесь бесспорно выше; появляются даже некоторые новые типы орудий, например, своеобразные острокопечники с мелкой ретушью. В местонахождении № 15 обнаружены также типичные ручные рубила миндалевидной формы.

Вряд ли можно серьезно считаться со взглядами французского палеонтолога М. Буля и других авторов, которые отрицали принадлежность

¹⁴ Пэй Вэнь-чжун, Чжунго цзюшицы шндайды вэньхуа (Культура палеолита в Китае), «Чжунго жэньлэй хуашиды фасянь юй яньцзю» (Исследование ископаемых людей в Китае), Сборник статей, 1955, стр. 53—90.

описанных хозяйственно-культурных остатков синантропам и на этом основании рисовали фантастическую трагедийную картину битвы между лишенными орудий синантропами и вооруженными каменной индустрией и огнем людьми современного вида, будто бы обитавшими на севере Китая в то же время¹⁵. В действительности ни данные стратиграфии, ни какие-либо другие аргументы не могут быть приведены против принадлежности чжоукоудяньских орудий «пекинским людям». Многие исследователи, как, например, Пэй Вэнь-чжун¹⁶, Х.-М. Мовиус¹⁷ и др., выделяют даже в северном Китае особую раннепалеолитическую «культуру синантропов», или «чжоукоудяньскую культуру».

Орудия этой культуры обнаруживают определенное сходство с инвентарем других нижнепалеолитических культур Юго-Восточной и Южной Азии — «патжитанской» на Яве, «тампанской» на Малакке, «аньятской» в Верхней Бирме и «соанской» в Панджабе. Основными типами индустрии всех этих культур Мовиус считает грубые рубящие орудия разной формы, обработанные, в отличие от европейских ручных рубил, только с одной стороны (chopping tools). Он выделяет даже особую восточноазиатскую культурную провинцию, противопоставляя ее другой провинции нижнего палеолита, охватывающей юг Индии, Переднюю Азию, Африку и Западную Европу и характеризующейся «классическими» ручными рубилами.

Вопрос о территориальных вариациях нижнепалеолитических культур до сих пор не может считаться окончательно решенным. Нельзя считать, что ручные рубила шелльского и ашельского облика совершенно отсутствуют в восточноазиатских стоянках этого периода. О наличии подобных орудий в одной из пещер Чжоукоудяня уже говорилось выше. Еще чаще встречаются они на стоянках патжитанской культуры на Яве. Попадают ручные рубила и в составе хозяйственного инвентаря тампанских, аньятских и соанских местонахождений. В то же время в нижнепалеолитических стоянках Европы найдено немало орудий, обработанных только с одной стороны, сходных с восточноазиатскими «chopping tools»¹⁸. Приходится, таким образом, говорить не о специфичности орудий определенных типов для восточной и западной частей нижнепалеолитической эйкумены, а только об их преобладании в пределах этих частей. Связывать такое преобладание с различным расовым составом населения нет оснований. Зато следует обратить внимание на материал, служивший для изготовления орудий: в Европе таким материалом был главным образом кремень, хорошо поддающийся обработке, в Восточной же Азии, где кремня было мало, гораздо чаще использовались и другие породы, менее «податливые» для обработки¹⁹.

Существовали, конечно, и стадиальные различия нижнепалеолитических культур, поскольку уровень развития производительных сил, составляющий их основу, не мог быть везде одинаковым на протяжении нескольких сотен тысячелетий. Даже в Чжоукоудяне можно наблюдать постепенный прогресс в технике, если сравнивать инвентарь более ранних и более поздних местонахождений. В целом же орудия синантропов хотя и являются «примитивными» по сравнению с инвентарем позднейших палеолитических культур, но отнюдь не могут рассматриваться в качестве первоначальных изделий человеческих рук. Орудия эти могли возникнуть только в результате длительного развития

¹⁵ M. Boule, Les hommes fossiles, *Eléments de paléontologie humaine*, Paris, 1921.

¹⁶ Пэй Вэнь-чжун, Указ. раб.

¹⁷ H. L. Movius, Early man and pleistocene stratigraphy in Southern and Eastern Asia, «Papers Peabody Museum American Archeology and Ethnology, Harvard University», XIX, No 3, 1944.

¹⁸ С. Н. Замятин, О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода, Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества».

¹⁹ Пэй Вэнь-чжун, Указ. раб.

техники обработки камня; им должны были предшествовать еще более простые изделия, на территории Восточной Азии пока не обнаруженные.

Такой вывод хорошо согласуется и с данными палеоантропологии; так как синантропов ни в коем случае нельзя считать представителями самого раннего этапа антропогенеза; среди протоантропов они являются, скорее, наиболее поздними формами. Сложным и по-своему высоко развитым был также образ жизни «пекинских людей». Главным источником их существования была, вероятно, охота на крупных животных, в первую очередь на различных оленей, которых промышляли у водоемов и водных переправ во время сезонных передвижений. Из мелких животных объектами охоты служили преимущественно грызуны. Значительную хозяйственную роль играло также собирание съедобных корней и клубней, плодов и ягод. Скопление костных остатков синантропов и хозяйственного инвентаря в пещерах Чжоукоудяня свидетельствует о том, что они жили здесь в течение большого промежутка времени крупным коллективом, имевшим уже, конечно, какую-то общественную организацию.

До сих пор остается нерешенным вопрос о границах расселения синантропов (или других протоантропов) на востоке Азии. Очень вероятно, что на территории современного Китая к самому концу этой стадии эволюции древних гоминид относится также череп, найденный в июне 1958 г. в одной из пещер около села Мапа²⁰ в уезде Чуцзян, на севере провинции Гуандун. Сопутствующая фауна позволяет высказать предположение о среднеплейстоценовом возрасте этой находки. Черепная крышка сохранилась полностью; она отличается массивностью и большой толщиной костей, низким сводом, очень покатым лбом, резко выраженным надглазничным валиком. От лицевой части черепа дошли до нас, к сожалению, только отдельные обломки костей. Орудий с черепом из Мапа найдено не было. Геологические и сравнительно-морфологические данные указывают, что череп этот — вероятно, самый древний в Китае после синантропа. Таким образом, по палеоантропологическим и археологическим данным можно предполагать, что древнейшие люди жили в северном и южном Китае, в некоторых районах Индокитая (Бирма, Малакка), а также в Индонезии (Ява, Суматра, Сулавеси). Были ли в эпоху нижнего палеолита населены людьми также территории, расположенные между этими странами? Вещественных материалов, позволяющих дать на поставленный вопрос безоговорочно положительный ответ, в нашем распоряжении пока нет. Но общие историко-географические соображения свидетельствуют скорее всего в пользу гипотезы о существовании уже тогда сплошного ареала расселения людей, который в пределах Восточной и Юго-Восточной Азии охватывал, вероятно, как север, так и юг Китая, простираясь отсюда через Индокитайский полуостров к Малайскому архипелагу, составлявшему тогда еще часть материка.

4

Пока еще очень немногочисленны в Восточной Азии костные остатки гоминид следующей за древнейшими людьми, или протоантропами, стадии развития — ступени «древних людей», или «палеоантропов». В Китае самым древним представителем этой ступени является, по-видимому, так называемый чанъянский человек, костные остатки которого — фрагмент левой верхней челюсти с двумя зубами (P_1 и M_1) и отдельный премоляр (левый P_2) — были найдены в 1956 г. в пещере Лундун в уезде Чанъян провинции Хубэй. Сопровождающая фауна (стегодон-аилуроподного типа) позволяет датировать чанъянскую находку средним плейсто-

²⁰ Предварительное изучение этого черепа проведено в сентябре 1958 г. проф. У Жу-каном, который выезжал на место раскопок.

ценом, скорее всего самым его концом²¹. Морфологически челюсть и зубы чанъянца обнаруживают ряд примитивных особенностей, позволяющих сблизить их с соответствующими костными остатками неандертальцев и близких к ним форм, в частности родезийцев. К числу таких примитивных признаков чанъянского человека относятся, например, большие размеры моляра и премоляров, прямоугольно-вытянутая форма их коронок, очень сильное развитие зубных корней и т. д. Все же по сравнению с синантропом чанъянец является относительно более прогрессивной формой древних гоминид.

К палеоантропам относится, по-видимому, и динцуньский человек (динцуньжэнь), три зуба которого (два верхних правых резца и нижний правый второй коренной) были найдены в ноябре 1954 г. около деревни Динцунь в провинции Шаньси²². Зубы эти принадлежали, по всей вероятности, ребенку 12—13 лет. Геологические и палеонтологические данные позволяют датировать местонахождение поздним плейстоценом, или «периодом лёсса», очень характерным для северного Китая (150—100 тыс. лет до нашего времени). Предположение Цзя Лань-по о более раннем — среднеплейстоценовом — возрасте динцуньца недостаточно обосновано, и большинством китайских палеонтологов и археологов в настоящее время отвергается.

Морфологическая характеристика динцуньских находок затрудняется их фрагментарностью и принадлежностью молодому субъекту. Несомненно все же, что зубы ребенка из Динцуня сравнительно с зубами синантропов соответствующего возраста были небольшими. Во многих отношениях резцы и моляр динцуньца напоминают аналогичные зубы неандертальских детей. Сближающими особенностями являются здесь некоторые примитивные признаки, вроде базальных бугорков на внутренней поверхности резцов или более сложного, чем у современных людей, рисунка на жевательной поверхности моляра («узор дриопитека»). Должна быть отмечена также лопатообразная форма резцов динцуньца, характерная, как известно, в эпоху нижнего палеолита для синантропов, а в более поздние исторические периоды — для большинства представителей монголоидной большой расы. В целом динцуньские находки занимают, по всей вероятности, в эволюционном ряду восточноазиатских гоминид промежуточное положение между «пекинскими» и современными людьми.

В Динцуне вместе с костными остатками человека найдены многочисленные каменные орудия, изготовленные преимущественно из роговика. Среди них встречаются обработанные как с одной, так и с обеих сторон. Некоторые орудия напоминают европейские ручные рубила, другие же обнаруживают определенное сходство с мустьерскими скреблами и остроконечниками. Встречаются также формы, близкие к чжоукоудяньским. Китайские археологи выделяют даже особую «динцуньскую культуру», которая большинством исследователей рассматривается как среднепалеолитическая, значительно более поздняя по сравнению с культурой синантропов. Однако различия между чжоукоудяньскими и динцуньскими орудиями могут иметь не только стадиальный, но и локально-географический характер.

Все же стадиальному моменту надо в этом случае несомненно отдать пальму первенства. Сравнение чжоукоудяньского и динцуньского инвентаря показывает, что первый относится ко второму примерно так же, как нижнепалеолитические (шелльские и ашельские) орудия Европы к сред-

²¹ Chia Lan-po, Notes on the human and some other mammalian remains from Changyang Hupei, «Vertebrata Palasiatica» т. 1, 1957, No 3, стр. 247—257 (на кит. и англ. яз.).

²² Pei Wen-chung, Woo Ju-kang, Chia Lan-po, Chow Ming-chen, Liu Hsien-ting and Wang Chien-yi, Report on the excavation of palaeolithic sites at Tingsun, Hsiangfensien, Shansi province, China, «Institute of vertebrate Palaeontology, Academia Sinica», 1958, No 2 (на кит. и англ. яз.).

непалеолитическим (мустьерским). Совершенно ясно выступает переход от грубых орудий неопределенных форм к лучше оформленным предметам, по всей вероятности с уже вполне установившейся функцией. Морфологическое сопоставление зубов динцуньского ребенка с зубами детей синантропов также допускает гипотезу о генетическом родстве обеих форм. Вполне возможно, что динцуньцы были потомками синантропов или сравнительно близких к ним разновидностей древнейших гоминид. Географические соображения не противоречат, очевидно, такому допущению: Чжоукоудянь и Динцунь расположены не так уж далеко друг от друга, в одной ландшафтно-климатической зоне.

К палеоантропам может быть отнесен также хэтаоский, или ордосский, человек, костные остатки которого обнаружены в среднепалеолитических стоянках Внутренней Монголии. Еще в 1922 г. французские археологи Лисан и Тейяр-де-Шарден нашли на стоянке Сараосогол в районе Ордоса (Хэтао) верхний левый боковой резец ребенка 7—8 лет²³. Общие размеры этого зуба напоминают современные, но на его лингвальной поверхности находится выступающий базальный бугорок (*tuberculum dentale*) — особенность, которая обыкновенно рассматривается как примитивная. Форма резца — лопатообразная, такая же как у синантропов и динцуньского ребенка²⁴. Вообще сходство хэтаоского резца с динцуньскими поразительно; несмотря на фрагментарность находок оно позволяет говорить о близком генетическом родстве обеих разновидностей восточноазиатских древних людей, обитавших почти одновременно в сходных естественно-географических условиях, сравнительно недалеко друг от друга.

В 1957 г. в районе Сараосогола были обнаружены новые остатки хэтаоского человека — теменная и бедренная кости, — пролежавшие в земле примерно 70—100 тыс. лет. Теменная кость была извлечена из почвы террасовидного сброса речной долины. От поверхности земли она находилась на глубине 35,5 м. Эта теменная кость толще, чем соответствующая кость современного человека, но тоньше такой же кости синантропа. На внутренней поверхности ее заметны отпечатки артериального разветвления. Оно расположено в центре передней половины теменной кости, тогда как у синантропа артериальное разветвление сдвинуто к середине кости, а у современного человека — к ее передней части. Таким образом, по рассматриваемому признаку хэтаоский человек занимает промежуточное положение между синантропом и современным человеком²⁵.

Археологическая датировка хэтаоских находок довольно затруднительна, так как каменная индустрия палеолитических стоянок Ордоса носит очень сложный, как бы «противоречивый» характер. Условия залегания этой индустрии и состав сопровождающей фауны указывают на глубокую древность; здесь найдены кости слона, близкого к мамонту, носорога, дикого быка, газели, а также фрагменты скорлупы страусовых яиц. Материалом для изготовления орудий служили преимущественно грубые кварцевые гальки или валуны кремневого известняка. Нуклеусы имели в большинстве случаев типично мустьерскую форму, а из сколотых с них пластин выделялись скребла и острокопечники, также имевшие мустьерский облик. Но эти грубые орудия сопровождалась в стоянках Хэтао изделиями верхнепалеолитического типа, в том числе миниатюр-

²³ E. Licent, P. Teilhard de Chardin and Davidson Black, On an presumably pleistocene human tooth from the Sjara-ossogul (south-eastern Ordos) deposits, «Bulletin Geological Society of China», 5, 1926, стр. 285—290.

²⁴ Woo Ju-kang, Human fossils found in China and their significance in human evolution, стр. 289—397.

²⁵ Woo Ju-kang, Fossil human parietal bone and femur from Ordos, Inner Mongolia «Vertebrata Palasiatica», т. II, № 4, 1958 (на кит. и англ. яз.).

ными поделками геометрических очертаний, напоминающими микролиты западной части первобытной эйкумены²⁶.

Наибольшего внимания из хэтаоских стоянок заслуживают две: Шуйдункоу и уже знакомая нам Сараоссогол, на которой был найден описанный выше зуб ребенка. Первая из этих стоянок доставила, наряду с относительно небольшим числом костей животных (носорог, бык, пещерная гиена, антилопа и др.), огромное количество каменных орудий крупного размера, преимущественно скребл. На второй стоянке, наоборот, были весьма обильны остатки животных тех же видов, но почти отсутствовали крупные орудия, а собранные в небольшом количестве обработанные кремни все были очень мелки. Причину разницы в облике и количестве изделий обеих стоянок надо, возможно, искать в том, что Шуйдункоу расположена в местности, богатой гальчниками из пород, служивших материалом для изготовления орудий, тогда как Сараоссогол находится в районе мощного развития лёссовых отложений, где нельзя встретить даже самой мелкой гальки какой-либо плотной породы. Определенную роль в различиях инвентаря Шуйдункоу и Сараоссогола могли, впрочем, играть и хронологические моменты. В схеме археологической периодизации древних культур Китая, составленной Пэй Вэнь-чжунем, стоянка Шуйдункоу рассматривается как более древняя, относящаяся к концу среднего палеолита (около 120—100 тыс. лет до н. э.). Стоянка Сараоссогол датируется приблизительно 100—80-м тысячелетием до н. э. Она помещается на грани между средним и верхним палеолитом. Обе стоянки Пэй Вэнь-чжун относит к особой «хэтаоской культуре», возникшей в бассейне Хуанхэ еще в начале среднего палеолита и прогрессивно развивавшейся вплоть до порога поздней поры древнекаменного века. Очень важно подчеркнуть в данном случае именно непрерывность развития северокайтайского среднего палеолита на протяжении по крайней мере 40—50 тыс. лет²⁷.

Скудость костных остатков восточноазиатских палеоантропов мешает решению вопроса об их отношении к древним людям других частей эйкумены — неандертальцам и близким к ним «неандерталоидным» формам. Однако морфологическое промежуточное положение чанъянцев, динцуньцев и ордосцев между синантропами и современными людьми позволяет выдвинуть гипотезу о существовании в Восточной Азии «своих» неандертальцев — потомков протоантропов и предков неоантропов. Наличие же у динцуньцев и хэтаосцев некоторых прогрессивных особенностей строения зубов наводит на мысль об их принадлежности к группе «прогрессивных неандертальцев», вроде широко известных находок из среднепалеолитических местонахождений Палестины. Если эта гипотеза будет подтверждена более полными палеоантропологическими материалами, можно будет с большой долей вероятности утверждать, что территория современного Китая входила, по крайней мере частично, в область формирования *Homo sapiens*.

5

Костные остатки людей современного вида или «неоантропов», живших в эпоху верхнего (позднего) палеолита, были обнаружены на востоке азиатского материка, главным образом в самые последние годы. Наиболее древней из находок этой стадии развития гоминид является, по всей вероятности, череп, найденный в 1951 г. в полукилометре к западу от города Цзыяна в провинции Сычуань при реконструкции железно-

²⁶ Пэй Вэнь-чжун, Указ. раб.

²⁷ Там же.

дорожной линии Чэнду — Чунцин²⁸. Мозговая коробка у этого черепа сохранилась почти полностью, но лицевые кости отсутствуют, за исключением части верхней челюсти с костным нёбом и несколькими альвеолярными отростками, в одном из которых сохранился корень второго левого премоляра. Череп из Цзыяна — небольшой, с сильно выступающими теменными буграми; первоначально его считали детским, но теперь китайские антропологи пришли к заключению, что он принадлежал пожилой женщине. В пользу такого предположения свидетельствуют глубокие отпечатки мозговых извилин на внутренней поверхности черепа, а также следы застарелой многолетней болезни зубов (поражение зубных каналов). По общему облику цзыянский череп относится несомненно к современному виду человека (*Homo sapiens*), обнаруживая в то же время значительное развитие надбровных дуг, заметную выраженность сагиттального гребня и некоторые другие особенности, частые у палеоантропов.

О расовой принадлежности цзыянского черепа судить нелегко из-за почти полного отсутствия лицевых костей. Мысль чунцинского антрополога проф. Фун Хань-цзи о пигмеоидности этой находки не может считаться хорошо обоснованной²⁹. Большого внимания заслуживают данные о сходстве человека из Цзыяна с некоторыми ранними представителями монголоидной большой расы, в особенности с шандиндунскими людьми северного Китая (см. ниже). Сближающими чертами являются здесь такие признаки, характерные для цзыянского черепа, как широкие и глубокие предносовые ямки на верхней челюсти, относительно высокое переносье (при общей широконосости), сагиттальное крышеобразное поднятие черепной крышки (типичное, в частности, для эскимосов), уплощенность теменных костей по обе стороны сагиттального шва и некоторые другие.

Наибольшая длина цзыянского черепа — 169,3 мм, наибольшая ширина — 131,1 мм, черепной указатель — 77,4 (мезокrania). Ушная высота — 110 мм, ее отношение к ширине — 84% (у современных людей в среднем 85,3%, с пределами вариаций 75,6 — 93,2%). Череп, таким образом, небольшой по абсолютным размерам, умеренно удлинённый, очень узкий, относительно немного более низкий, чем у большинства современных людей. Черепной свод цзыянской женщины должен быть, однако, признан довольно высоким; лоб у нее был слабо покатым, лобные и теменные бугры сильно выступали. Все эти черты, особенно в сочетании с общим грацильным обликом, в большей мере сближают цзыянского человека с тихоокеанскими (юго-восточными) монголоидами, чем с монголоидами континентальными (северными).

Костные остатки животных, обнаруженные вместе с цзыянским черепом, могут быть разбиты, по данным Пэй Вэнь-чжуна, на две группы: позднеплейстоценовую, синхронную находкам человека, и среднеплейстоценовую, обитавшую в Сычуани в более древние эпохи и попавшую в цзыянское местонахождение уже вторично в сильно минерализованном состоянии. К первой группе, имеющей для палеоантропологии Восточной Азии наибольший интерес, относятся кости и зубы мамонта, лошади, кабарги; во вторую группу входят остатки стегодонов, носорогов, различных оленей. В обеих группах представлены такие животные, как тигр, гиена, кабан, некоторые грызуны (в том числе дикобраз). Обращает на себя внимание большое количество видов, живущих или живших в прошлом в условиях открытых — парковых и степных — ландшафтов умеренного пояса.

²⁸ Pei Wen-chung, Woo Ju-kang. Tzeyang paleolithic man. «Institute of Vertebrate Palaeontology, Academia Sinica». 1957, No 1 (на кит. и англ. яз.). См. также рецензию на эту работу (как и на книгу, указанную в примечании 22) В. П. Якимова в журн. «Сов. антропология», 1959, № 1, стр. 141—144.

²⁹ Устное сообщение проф. Пэй Вэнь-чжуна и проф. У Жу-кана.

Из орудий труда в цзыянском местонахождении было найдено только небольшое костяное шило. По свидетельству Пэй Вэнь-чжуна, оно имеет очень архаичный облик и заметно отличается от более поздних неолитических форм короткой заостренной частью. Несмотря на единичность этой находки, она представляет огромный научный интерес, так как свидетельствует о знакомстве цзыянского человека с обработкой кости. В целом костные и культурные остатки цзыянцев являются пока единственным бесспорным доказательством обитания в начале позднего палеолита людей современного вида на территории среднего Китая. Весьма возможно, что люди эти, бывшие потомками «прогрессивных» палеоантропов типа динцуньцев и хэтаосцев, обладали уже некоторыми чертами монголоидной расы, находившейся тогда в процессе формирования.

В более позднюю эпоху по сравнению с цзыянцем жил, по-видимому, лэйпинский человек, костные и культурные остатки которого были найдены в 1956 г. Цзя Лань-по в уезде Лэйпин провинции Гуанси³⁰. Обнаружена разбитая на три куса нижняя часть черепа (обе половины верхней челюсти, правая скуловая, лобная и затылочная кости). По степени стертости зубных коронок можно предполагать, что остатки принадлежали взрослому человеку, вероятно мужчине. Расовая принадлежность лэйпинца вряд ли может быть в настоящее время определена, хотя отнесение его к людям современного вида не вызывает никаких сомнений. Из поделок найдено два отщепы со следами обработки и орудие из кварцитовой гальки. Предположительная датировка лэйпинца позднелайпленовым временем основана всецело на геологических и палеонтологических материалах. Однако самый факт нахождения позднелайпленового представителя неантропов на территории провинции Гуанси (с февраля 1958 г.— Гуанси-Чжуанская автономная область) представляет огромный историко-географический интерес, так как свидетельствует, подобно цзыянской находке, о том, что в рассматриваемую эпоху люди современного вида уже заселяли средний и южный Китай.

В данной связи очень интересно отметить, что, по мнению Пэй Вэнь-чжуна, к позднему палеолиту должна быть отнесена некоторая часть хозяйственно-культурных находок, сделанных в последние годы китайскими археологами в пещерах той же провинции Гуанси³¹. Находки эти включают многочисленные каменные орудия, изготовлявшиеся главным образом из расколотых галек и нередко имевшие форму топоров или тесел. Найдены были в гуансийских пещерах и костяные орудия, в том числе проколки позднелайпленового облика, очень напоминающие описанное выше шило из цзыянского местонахождения. Орудия эти принадлежали, по всей вероятности, первобытным охотникам и собирателям, жившим на опушках тропических лесов, а также по берегам многочисленных рек и озер южного Китая. Здесь можно было собирать раковины с заключенными в них съедобными моллюсками, плоды деревьев, ягоды и птичьи яйца, ловить рыбу, охотиться на мелких, а иногда и крупных животных, даже на слонов и носорогов.

Южнокитайские верхнелайпленовые (а также и более поздние мезолитические) хозяйственно-культурные остатки обнаруживают значительное сходство (хотя и не тождество) с более или менее синхронными находками, сделанными на севере Вьетнама, особенно в пещере Кеофай в горах Баксона. Более отдаленные, но все же вполне определенные

³⁰ Woo Ju-kang, Chia Lan-po, Fossil human skull base of late paleolithic stage from Linshan, Leipin district, Kwangsi province, «Vertebrata Palasiatica», т. III. 1959, No 1.

³¹ Устное сообщение проф. Пей Вэнь-чжуна. Н. Н. Чебоксаров имел возможность познакомиться с этими поделками (как и с другими описанными в настоящей статье палеоантропологическими и археологическими находками) во время работы в КНР в 1956—1958 гг.

аналогии прослеживаются между этими остатками и позднепалеолитическим инвентарем южного Индокитая, Индонезии и даже Австралии. Очень похожими на поделки из Юго-Восточной Азии оказываются, частности, древнейшие каменные орудия австралийского континента в особенности своеобразные рубила, сделанные из овальных кварцитовых галек, обработанных грубой ретушью по одному поперечному краю. Рубила эти были широко распространены в Австралии в эпоху первоначального освоения ее людьми³². Вполне возможно, что указанные аналогии не являются только конвергентными, но свидетельствуют о реальных генетических связях древнейших австралийцев с позднепалеолитическим населением Юго-Восточной Азии, откуда и происходило, по всем данным первоначальное заселение австралийского материка. О том же говорят, вероятно, и австралоидные морфологические особенности древних (позднепалеолитических?) черепов из Вадьяка на Яве, описанных Е. Дюбелем в 1922 г.³³.

6

Наиболее многочисленные остатки позднепалеолитических людей были в пределах Восточной Азии обнаружены на севере Китая, около Чжоукоудяня, близ Пекина — там же, где были найдены кости синантропов. Здесь в так называемой Верхней пещере (по-китайски — Шандиндун) Пэй Вэнь-чжун еще в 1933 г. нашел скелетные остатки по крайней мере семи особей, датируемые им по геологическим, палеонтологическим и археологическим данным концом древнекаменного века (50—25 тыс. лет до н. э.)³⁴. Из шандиндунских черепов лучше сохранились три: один мужской и два женских. Как ни мал количественно этот материал, он все же позволяет судить не только о стадияльных, но и о расовых особенностях населения рассматриваемой территории в эпоху позднего палеолита.

Мужской череп из Шандиндуна, обозначенный Вейденрейхом № 101, отличается значительной массивностью, крупными абсолютными размерами и большой вместимостью мозговой коробки (около 1500 см³). Череп этот долихокранный, с огромным продольным диаметром (204 мм), умеренной шириной и довольно большой высотой (135 мм). Обращают на себя внимание сильно наклонный лоб и резко выраженное надбровье. Лицо высокое и в то же время широкое. Глазницы низкие, прямоугольной формы. Носовые кости выступают умеренно, ширина носа значительна. Отчетливо выражен альвеолярный прогнатизм. Женские черепа в общем сходны с мужскими в таких признаках, как крупные абсолютные размеры, наклонный лоб, значительная ширина лица, низкие глазницы, альвеолярный прогнатизм и др. Естественно, что женские черепа по сравнению с мужскими характеризуются меньшей массивностью³⁵.

Если принадлежность шандиндунских черепов человеку современного вида (*Homo sapiens*) и не вызывала никаких сомнений, то вопрос об их расовой диагностике получил в специальной литературе различное освещение. Описавший эти черепа Вейденрейх указывает на сходство мужского черепа с верхнепалеолитическими черепами Западной Европы,

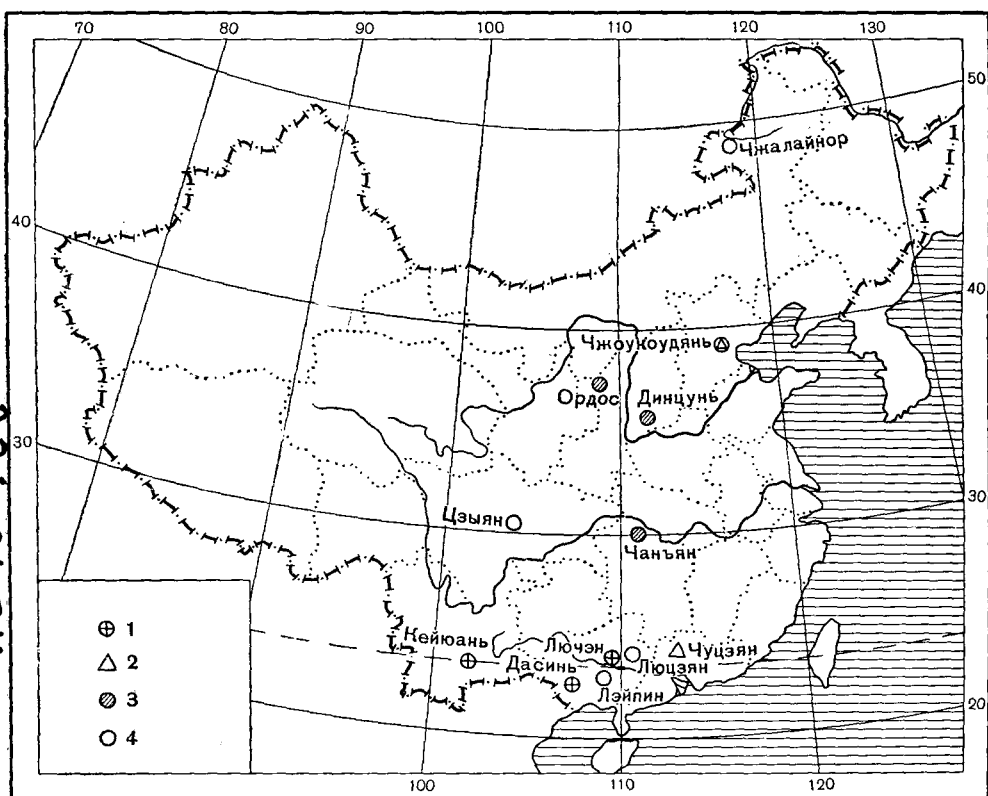
³² См., например, А. П. Окладников, Палеолит в Юго-Восточной Азии. Заселение Америки и Австралии человеком. В кн.: «Всемирная история», т. I, М., 1955, стр. 81—88.

³³ E. Dubois, The proto-australian fossil man of Wadjak, Java, «Koninkl. Akad. von Wetenschappen, Proceedings of the Section of Sciences», XXIII, 2, No 7, 1922.

³⁴ Pei Wen-chung, On the Upper Cave industry, «Peking Natural History Bulletin», XIII, 1939, стр. 175—179.

³⁵ F. Weidenreich, On the earliest representatives of modern mankind recovered on the soil of East Asia, «Peking Natural History Bulletin», т. XIII, 1939, стр. 161—174.

отмечая вместе с тем ряд монголоидных его особенностей: выступание вперед скуловых дуг, очень узкие носовые косточки, сильное развитие предносовых ямок (*fossae praenasales*) и др. Вместе с тем из женских черепов Вейденрейх сближает один (обозначенный № 102) с меланезийцами, а другой (№ 103) — с эскимосами. Сходство с меланезийцами устанавливается на основании исключительной высоты черепа № 102 при малой ширине (высотно-поперечный указатель 110), альвеолярного

Местонахождения костных остатков антропоидов и палеолитических людей в Китае:
1 — антропоиды; 2 — протоантропы; 3 — палеоантропы; 4 — неолиты

Составил У Жу-кан

прогнатизма, значительной широконосоности. «Эскимоидность» второго женского черепа (№ 103) доказывается будто бы крышеобразной формой черепного свода, долихокранией, крупным высотным диаметром и сравнительно невысоким носовым указателем.

Таким образом, получается парадоксальный вывод, что население одной пещеры состояло из представителей трех различных рас, — факт настолько необыкновенный, что Вейденрейх для придания ему хотя бы внешней правдоподобности рисует фантастическую историю похищения монголоидным мужчиной двух женщин — «эскимоски» и «меланезийки». Однако вся эта романтика первобытного «гарема» выглядит крайне неубедительно: она интересна только как пример того, куда приводит метафизическое представление об абсолютной стабильности расовых признаков на протяжении десятков тысячелетий. В действительности «мозаичность» признаков на трех шандиндунских черепах находит себе совсем другое объяснение. Несомненно, что многие морфологические особенности указанных черепов не должны рассматриваться как расово

специфичные для них, так как признаки эти характерны, насколько мы знаем, для позднепалеолитических неантропов во всей области их расселения³⁶.

Правда, монголоидные черты мужского черепа № 101, правильно помеченные Вейденрейхом, заслуживают того, чтобы быть специально подчеркнутыми. Но в полном соответствии с этими чертами находятся и аналогичные особенности женского черепа № 103, по Вейденрейху — «эскимойдного». Ведь и эскимосы — тоже монголоиды, к тому же сохранившие много древних морфологических признаков! Даже «меланезийский» череп № 102 по крупным абсолютным размерам лица, большой вместимости и некоторым другим особенностям обнаруживает скорее «монголоидность», чем «меланезоидность». Укажем хотя бы, что на черепе № 102 продольный и поперечный диаметры — 196 и 156 мм, тогда как на черепе № 103 («эскимойдном») они соответственно равны — 184 и 131 мм. Альвеолярный прогнатизм — и тот у «меланезийки» Вейденрейха выражен немного слабее, чем у «эскимоски» (80 и 79°).

Как же все-таки объяснить наличие на шандиндунских черепах таких особенностей, как широконосоность и альвеолярный прогнатизм, казалось бы не свойственных «классическим» монголоидам? Прежде всего следует подчеркнуть, что оба эти признака, даже в их сочетании, широко распространены среди несомненно монголоидных типов Юго-Восточной и Восточной Азии разных эпох. Вейденрейху помешало правильно определить место описанных им черепов в систематике гоминид и то, что он исходил из сопоставления их с современными, и притом очень специфическими и узко локальными географически, расовыми типами эскимосов и меланезийцев. В нерезкой дифференцированности расовых особенностей шандиндунских черепов отразились, по-видимому, общие закономерности формирования основных расовых типов *Homo sapiens*. Можно предполагать, что среди позднепалеолитического населения из Верхней пещеры мы имеем представителей того периода в развитии монголоидов, когда многие из характерных признаков этой большой расы еще не успели сформироваться.

В то же время необходимо отметить, что при общей слабой дифференцированности монголоидных особенностей шандиндунских черепов на них уже можно обнаружить некоторые специфические признаки, характерные для тихоокеанских (юго-восточных) монголоидов, в более поздние эпохи широко распространенных среди населения почти всех восточноазиатских стран — Китая, Кореи и Японии. Такими «тихоокеанскими» чертами шандиндунцев являются значительная высота мозговой коробки (136—150 мм), альвеолярный прогнатизм и некоторая тенденция к широконосоности. Если же учесть большую высоту лица всех шандиндунских черепов (69—77 мм), то наиболее близкие аналогии им мы найдем только в Восточной Азии и полярной Америке среди древних краниологических серий эпохи неолита и палеометалла, а также среди современных северных китайцев, корейцев, маньчжур, нанайцев (гольдов), чукчей и эскимосов. Очень возможно, что люди, обитавшие в конце древнего каменного века на севере Китая, были предками позднейших человеческих коллективов, на основе которых сложились восточные, а может быть, и северо-восточные (арктические) монголоидные группы расовых типов³⁷.

³⁶ М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, Древнее расселение человечества в Восточной и Юго-Восточной Азии, Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», стр. 329—330.

³⁷ Н. Н. Чебоксаров, К вопросу о происхождении китайцев, «Сов. этнография», 1947, № 1, стр. 30—70; его же, Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии, Труды Ин-та этнографии, Новая серия, т. II, М.—Л., 1947, стр. 24—83; его же, Северные китайцы и их соседи (Исследование по этнической антропологии Восточной Азии), «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. V, 1949

Большой интерес шандиндунские находки представляют и для проблемы первоначального заселения Америки. Дело в том, что характерное для шандиндунцев сочетание слабо дифференцированных монголоидных черт с высокоголовостью, альвеолярным прогнатизмом и тенденцией к ширсконосоности очень распространено также среди древних и современных расовых типов коренного населения американского континента. Очень вероятно, что Америка была заселена в самом конце позднего палеолита через Берингов пролив или перешеек именно восточными высокоголовыми монголоидами, постепенно продвигавшимися на север из Китая вдоль берегов Тихого океана. Если эта гипотеза верна, то вполне естественное объяснение получает и пресловутая «эскимоидность» (может быть, правильнее сказать «американоидность») одного из женских шандиндунских черепов.

Сопоставление шандиндунских черепов с цзыянским позволяет наметить, как уже указывалось выше, непосредственные генетические связи между этими двумя разновидностями позднепалеолитических гоминид Восточной Азии. Сравнение же цзыянских неантропов с хэтаоскими и динцуньскими палеоантропами, а также с пекинскими протоантропами, как мы знаем, определенно свидетельствует в пользу гипотезы о непрерывности процессов антропогенеза и расогенеза на востоке Азии в течение всей второй половины плейстоцена. Учитывая новейшие палеоантропологические находки китайских ученых, можно считать весьма вероятным, что материковая часть Восточной Азии, и в первую очередь территория современного Китая, входила, по крайней мере частично, в зону сапиентации, т. е. формирования людей современного вида. Географические границы этой зоны сапиентации при современном уровне развития антропологии можно наметить только в самых общих чертах. Не касаясь здесь сложного вопроса о западных ее пределах в Африке и Европе, можно все же предполагать, что она охватывала какую-то часть Юго-Западной Азии, где в Палестине найдены, как известно, костные остатки наиболее «прогрессивных» неандертальцев. Отсюда через Иран и северную Индию ареал формирования *Homo sapiens* мог простирались далеко на восток вплоть до мест находок восточноазиатских палеоантропов (Чанъян, Динцунь, Хэтао) и их вероятных потомков — восточноазиатских неантропов (Цзыян, Лэйпин, Шандиндун).

7

Наличие прямой преемственности между ранне- и позднепалеолитическим населением Восточной Азии подтверждается также археологическими материалами, в частности хозяйственно-культурными остатками деятельности шандиндунских людей. По данным Пэй Вэнь-чжуна, в Верхней пещере чжоукоудяньского местонахождения были в большом количестве обнаружены разнообразные каменные орудия из кварцитовых пластин, костяные и роговые изделия, в том числе полированные куски оленьих костей и рогов (один из которых напоминает «начальнические жезлы» европейского палеолита), а также различные орнаментированные предметы³⁸. Среди последних особенно интересны крупные каменные «бусины» с отверстиями, просверленные клыки оленя, лисы, дикой кошки и других хищников, костяные подвески, просверленные речные и морские раковины, доставленные сюда с морского берега за несколько десятков километров. В целом индустрия Шандиндуна производит впечатление очень поздней, вероятно близкой к переходному периоду от палеолита к мезолиту.

³⁸ Pei Wen-chung, On the Upper Cave Industry...

Основным занятием древних шандиндунцев были рыболовство и собирательство съедобных речных моллюсков. Определенную хозяйственную роль играла также охота преимущественно на степных животных, в первую очередь на оленей различных видов.

Жилищем служили пещеры; могли, впрочем, существовать и летние временные шалаши. Одежду шили, вероятно, из шкур животных. Основной общественной ячейкой, по мнению китайских археологов, был материнский экзогамный род. Погребения с охрой и многочисленными украшениями свидетельствуют о развитии религиозных представлений. Очевидно, шандиндунцы были одним из наиболее развитых позднепалеолитических коллективов, до настоящего времени известных по археологическим раскопкам.

Определенное сходство с шандиндунской индустрией обнаруживают орудия из позднепалеолитических стоянок Сибири, в особенности крупные массивные скребла и остроконечники, а также рубилообразные орудия раннепалеолитического облика, так долго дававшие повод преувеличивать древность этих памятников. Как известно, подобные же орудия встречаются, наряду с «микролитами», и на стоянках Хэтао, занимающих, по данным китайских археологов, промежуточное положение между средним и верхним палеолитом. Надо отметить, что Замятнин еще в 1951 г. объединил северокитайские и сибирские позднепалеолитические памятники в особую «сибирско-китайскую область», которую он выделил для конца древнего каменного века, наряду с двумя другими областями — «европейской приледниковой» и «средиземноморско-африканской»³⁸. Естественно поставить вопрос о связи сибирско-китайской позднепалеолитической области с зоной формирования монголоидной большой расы.

Внутри рассматриваемой области особую близость между собой обнаруживают стоянки северного Китая — Шандиндун и Хэтао — и Забайкалья. Важно подчеркнуть, что, в отличие от культур каменного века лесной зоны Сибири, а также и Европы, в степных культурах бассейнов Хуанхэ и Селенги очень рано появляются орудия микролитического облика, присутствующие уже в типичных палеолитических слоях хэтаоских стоянок. В более позднее время орудия эти становятся господствующими, и вся индустрия приобретает ярко выраженный «азиатский» отпечаток. Это несомненно указывает на прогрессивное развитие охоты на быстро бегающих степных животных при помощи метательных дротиков, а позднее, при переходе к мезолиту, также при помощи лука и стрел. В то же время скорлупа страусовых яиц и раковины улиток, находимые как в северокитайских, так и в забайкальских стоянках, свидетельствуют о значительной экономической роли собирательства.

Таким образом, представляется очень вероятным, что на исходе плейстоцена и в начале голоцена на широких просторах Восточной Азии — в северном Китае, Монголии и юго-восточной Сибири — постепенно складывался особый хозяйственно-культурный тип степных собирателей и охотников умеренного пояса, отличавшихся подвижным образом жизни и хорошо знакомых с употреблением лука и стрел с каменным «микролитическим» наконечником. Местным вариантом этого типа были, вероятно, шандиндунские собиратели речных моллюсков, рыболовы и охотники, в жизни которых рыбная ловля в связи с близостью Юндинхэ и других рек приобретала все большее значение, а вместе с тем и был становился более оседлым. Аналогичная картина, как известно, наблюдалась и в западной половине первобытной эйкумены, где в рассматриваемую эпоху также выделилась средиземноморско-африканская область с преобладанием хозяйственно-культурных типов степных собирателей и охотников или прибрежных рыболовов.

Таким образом, можно считать установленным, что в период позднего

³⁸ С. Н. Замятнин, Указ. раб., стр. 127—145.

палеолита большая часть Восточной Азии (кроме, по-видимому, Тибетского нагорья, Тайваня и Японских островов) была уже заселена, хотя и очень неравномерно, людьми современного вида, занимавшимися собирательством, охотой и рыбной ловлей. В расовом отношении люди эти принадлежали в массе к монголоидам, внутри которых намечалось выделение двух ветвей: северо-западной (континентальной) и юго-восточной (тихоокеанской). К первой ветви относились, вероятно, позднепалеолитические насельники Центральной Азии и Сибири, ко второй — их современники на территории собственно Китая (без Внутренней Монголии и Синьцзяна), а возможно, и Кореи, для которой в нашем распоряжении нет еще вполне достоверных материалов по древнему каменному веку. На крайнем юге Восточной Азии — у границ с Индокитаем — могли присутствовать в составе населения также негро-австралоидные (экваториальные) расовые элементы.

Имела место в рассматриваемую эпоху и известная хозяйственно-культурная дифференциация. На открытых ландшафтах северной умеренной зоны преобладающую хозяйственную роль играла охота на степных животных, а также собирательство некоторых видов моллюсков, водившихся в скудных здесь водоемах, и страусовых яиц. На востоке той же зоны, где воды было больше и ощущалась уже близость Желтого моря, на первый план в экономике выступало рыболовство и собирание пресноводных и морских моллюсков. На крайнем юге, наконец, — в субтропиках и тропиках южного Китая большое значение имела охота на лесных теплолюбивых животных, как мелких, так и крупных.

Никакими прямыми данными о языковой принадлежности позднепалеолитического населения Восточной Азии (как и всего мира) мы, конечно, не располагаем. Все же некоторые советские ученые (например, С. П. Толстов) считают вероятным, что в рассматриваемую эпоху уже началось формирование крупнейших языковых семей человечества, существующих частично и в настоящее время. Гипотеза эта представляется особенно заманчивой по отношению к тем семьям (или, может быть, лучше сказать, следуя за С. П. Толстовым, «семействам»), языки которых сильно отличаются друг от друга, что указывает несомненно на большую древность их расхождения от гипотетического языка-основы ⁴⁰.

Все три главные языковые семейства Восточной Азии — китайско-тибетское, алтайское и индо-океанийское («аустрийское», по терминологии В. Шмидта) ⁴¹ принадлежат именно к этой категории подразделений человечества, языки которых сильно разошлись. Не исключена, таким образом, возможность, что позднепалеолитические насельники северного и среднего Китая — восточномонголоидные шандиндунцы и цзыянцы — говорили на древнейших китайско-тибетских языках, тогда как их современники в районе Хэтао и на юго-востоке Сибири пользовались алтайскими языками. Законна также постановка вопроса о складывании в ту же отдаленную эпоху на юго-востоке Азии (включая, быть может, и крайний юг Китая) языков индо-океанийского семейства.

В этой связи интересно вспомнить, что некоторые крупные лингвисты, специалисты по языкам Восточной Азии — А. Конради, Я. Пжилуский, П. Бенедикт ⁴² и другие — считали, что между китайско-тибетскими и индо-океанийскими языками существует реальное, хотя и отдаленное род-

⁴⁰ Взгляды С. П. Толстова на образование древнейших языковых семейств частично изложены в книге: «Очерки общей этнографии» (М., 1957), раздел «Языки» (стр. 31—41).

⁴¹ W. Schmidt, Die Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde, Wien, 1921.

⁴² A. Conrady, Eine merkwürdige Beziehung zwischen den austrischen und den indo-chinesischen Sprachen, «Aufsätze zur Sprach- und Kulturgeschichte vornehmlich des Orient zu E. Kuhns 70 Geburtstag», Breslau, 1916, стр. 475—504; J. Przyluski, Le Sino-Tibétain; в кн.: A. Meillet et M. Cohen, Les langues du monde, Paris, 1924; стр. 363—384; P. K. Benedikt, Thai, Kadai and Indonesian, «American Anthropologist», XLIV, 1942, стр. 576—601.

ство. Были даже попытки конструировать особый «восточноазиатско-океанийский», или «тихоокеанский», языковый ствол, включающий все языки обоих названных семейств. Будущие исследования должны показать, есть ли фактическая основа у подобных построений. Данные антропологии, однако, и в настоящее время достаточны для заключения о широком и очень древнем распространении среди китайско-тибетских и индо-океанийских народов расовых типов тихоокеанской (юго-восточной) ветви монголоидов, связанных общностью происхождения.

8

Возникшая в позднем палеолите хозяйственно-культурная дифференциация населения Восточной Азии становится еще более заметной в мезолите. Это было связано, несомненно, со значительным развитием производительных сил человеческого общества того времени и с появлением ряда хозяйственно-технических нововведений, которые обеспечивали людям гораздо более совершенное приспособление к окружающим их естественно-географическим условиям, чем это было раньше. Вспомним, что именно к мезолиту относится широкое распространение лука и стрел, различных вкладышевых орудий, тесел и топоров, а также одомашнивание собаки. «Лук, тетива и стрелы,— писал Ф. Энгельс,— составляют уже очень сложное оружие, изобретение которого предполагает долго накапливаемый опыт и изощренные умственные силы, следовательно, и одновременное знакомство со множеством других изобретений»⁴³.

К сожалению, в Восточной Азии мезолит еще очень слабо изучен и трудноотделим как от позднего палеолита, так и от неолита. В Китае к собственно мезолитическому периоду может быть достоверно отнесено только очень небольшое число памятников. Правда, на севере страны — в Дунбэе, Внутренней Монголии и Синьцзяне — в большом количестве найдены орудия микролитического облика, которые раньше относили к этому периоду. Однако подавляющее большинство таких орудий представляет собой подъемный материал и не поддается точной датировке. Некоторые из них, например найденные в районе Харбина, являются, по свидетельству Пэй Вэнь-чжуна, определенно неолитическими или еще более поздними. Только во Внутренней Монголии у подножья песчаных дюн встречаются подлинно мезолитические орудия, находимые вместе со скорлупой страусовых яиц⁴⁴. Очевидно, что в это время здесь жили, как и в конце палеолита, степные охотники и собиратели.

К мезолиту должны быть частично отнесены и находки в пещерах Гуанси, уже упоминавшиеся выше. Еще в 1935 г. Пэй Вэнь-чжун обнаружил здесь грубые «макролитические» орудия без керамики, датируемые, по-видимому, рассматриваемым периодом. В соседнем северном Вьетнаме выделяют обычно две переходные от палеолита к неолиту культуры — баксонскую и хоабинскую. Французские археологи А. Мансюи и М. Колани намечают в этих культурах три последовательные ступени, из которых первая является по существу еще позднепалеолитической, а последняя постепенно переходит в развитый неолит. Хозяйственный облик населения хоабинских и баксонских пещер рисуется как быт охотников и собирателей жаркого пояса, не знавших земледелия и домашних животных и не умевших изготавливать глиняную посуду. В технике обработки камня к концу эпохи появляются лишь первые навыки шлифовки⁴⁵.

⁴³ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1953, стр. 21—22.

⁴⁴ J. Maringer, Contribution to the prehistory of Mongolia, Stockholm, 1950.

⁴⁵ H. Mansuy et M. Colani, Contribution à la préhistoire de l'Indochine, «Mémoires du Service Géologique de l'Indochine», XII, 1925.

К сожалению, расовый состав мезолитического населения Восточной Азии известен нам очень мало. Китайские антропологи в настоящее время изучают два черепа этого времени, найденные около Чжалайнора во Внутренней Монголии. Предварительное ознакомление с этими черепами показывает, что лицо у них очень плоское, абсолютно широкое и высокое, носовые кости слабо выступают, клыковые ямки выражены не резко, предносовые же, напротив, сильно развиты. Высота черепов невелика, по головному указателю они мезокранны. Все это указывает на принадлежность чжалайнорских находок к северным монголоидам, в последующие эпохи широко распространенным в Сибири и в Центральной Азии вплоть до Большого Хингана на востоке. Чжалайнор находился в мезолите, вероятно, на восточных рубежах расселения этой ветви монголоидной большой расы.

Недалеко от южных границ Китая в Тампонге (Верхний Лаос) в 1936 г. был найден женский череп, относящийся, по свидетельству описавших его французских археологов Ж. Фромаже и Е. Сорена, к мезолитической эпохе. Череп этот отличается крупными (для женщины) размерами, малой длиной, средней шириной и значительной высотой. По указателю тампонгский череп мезокранный (77,2). Лицо у него очень высокое и широкое, уплощенное. Глазницы по высоте средние, с округленными углами. Нос слабо выступающий, с плоским переносием и суженными в верхней части носовыми костями, по указателю относительно очень широкий (60,1). Предносовые ямки сильно развиты, клыковые ямки, напротив, отсутствуют. Альвеолярный прогнатизм имеется, но выражен не слишком сильно. Нижняя челюсть массивная и широкая. По костяку, найденному вместе с черепом, общая длина тела тампонгской женщины определена описавшими ее авторами в 157 см⁴⁶. Многие морфологические особенности тампонгского черепа оказываются общими с древнейшими монголоидами, в первую очередь с женскими черепами из Шандиндуна. Сходными признаками являются сравнительно крупные абсолютные размеры черепа, большая его высота, уплощенное широкое и высокое лицо, слабо выступающий широкий нос, альвеолярный прогнатизм и даже (судя по фотографиям) крышеобразная форма черепного свода. Тампонгский череп можно, таким образом, рассматривать как принадлежащий представителю монголоидов той стадии развития, когда не все специфические особенности этой большой расы успели выработаться. В то же время некоторые черты рассматриваемого черепа (сильная прогнатность, крайняя хамэриния) указывают на возможность смещения продвигавшихся к югу монголоидов с восточными негро-австралоидами, составлявшими, вероятно, древнейшее аборигенное население всей Юго-Восточной Азии и проникавшими на севере вплоть до крайнего юга территории современного Китая.

Таким образом, новейшие палеоантропологические материалы, несмотря на их фрагментарность, дают возможность констатировать на территории Китая и соседних стран в конце палеолита и в мезолите наличие всех основных расовых компонентов населения позднейших исторических периодов: северных монголоидов (Чжалайнор), восточных монголоидов (Цзянь и Шандиндун), южных монголоидов (Тампонг) и австралоидов (Вадыя). От первых ведет прямой путь к антропологическим типам, преобладающим среди монголов, эвенков и ороحوнов, отчасти среди казахов, киргизов и некоторых других национальных меньшинств северного и северо-западного Китая. Типы второй группы (восточномонголоидные), всегда бывшие основными во всем Китае к северу от хребта Циньлин, прослеживаются, начиная с эпохи неолита

⁴⁶ J. Fromaget et E. Saurin, Note préliminaire sur les formations cénozoïques et plus récentes de la chaîne annamitique septentrionale, «Bulletin de Service Géologique de l'Indochine», XXII, 3, 1936.

(культура Яншао) и до наших дней, среди северных китайцев (хань), маньчжуров, хэчжэ (дунбэйских нанайцев), корейцев, хуэй, тибетцев и многих иных народов тибето-бирманской языковой ветви. Третья группа типов (южномонголоидная) и в настоящее время широко распространена в составе китайцев к югу от Янцзы, а также в составе национальных меньшинств юга и юго-запада КНР (чжунан, тай, ли, мяо, яо, народы языковой группы ицзу). Элементы четвертой группы (австралоидной) и теперь сохраняются среди некоторых национальных меньшинств Юньнани, особенно среди кава, бэнлун и булан, говорящих на мон-кхмерских языках⁴⁷. Преемственность развития расового состава населения Китая, уходящая корнями в древний каменный век, выступает здесь вполне определенно⁴⁸.

Приведенные выше археологические данные также свидетельствуют о непрерывности хозяйственного и культурного развития населения Китая от палеолита до современной эпохи. На крайнем севере КНР — во Внутренней Монголии, как и на крайнем юге республики — в Гуанси переход от палеолита к мезолиту и затем к неолиту прослеживается, как мы видели, очень отчетливо. В бассейнах Хуанхэ и Янцзы установить такой непосредственный переход еще нет возможности, так как неолитические культуры этих районов — яншаоская, луншаньская и др. — относятся к периоду развитого неолита (III—II тысячелетия до н. э.) и связать их с памятниками более раннего времени пока не удалось. Объясняется этот пробел несомненно недостаточностью фактических археологических материалов. Общего вывода о преемственности населения Китая, его хозяйства и культуры при переходе от палеолита к неолиту, а затем и ко всем позднейшим историческим периодам это колебать, разумеется, не может. В совокупности новейшие данные палеоантропологии и археологии уже теперь позволяют констатировать непрерывность общественно-исторического процесса на территории современного Китая, начиная от зари древнего каменного века. Огромная научно-познавательная ценность этого вывода как для истории народов КНР, так и для всемирной истории в целом очевидна.

SUMMARY

The paleontological, paleoanthropological and archeological finds of the Chinese scientists, after the Liberation (1949—1959) throw a new light on the problem of the initial settlement of people in Eastern Asia and of the further history of their anthropological structure and culture in this part of the eucumene. The teeth of the anthropoid ape, the *Dryopithecus* from Keiyuan (in the Yunnan province) dating back to the pliocene, were found in 1956—1957 and point to the fact that the South-West of China could form a part of the vast territory where the transformation of ape into man was taking place at the beginning of the Quarternary period. Teeth and jaws of a *Gigantopithecus* found in caves of the Kwangsi-Chuang autonomous region (1955—1957) give rise to the supposition that very large antropoids lived in the South of China also at the beginning of pleistocene and had certain features in common with Hominides.

⁴⁷ О расовом составе современного населения Китая и соседних стран см. работы упомянутые в примечаниях 36 и 37. Большое значение для тех же вопросов имеет также книга М. Г. Левина «Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока» (Труды Ин-та этнографии, Новая серия, т. XXXVI, М., 1958). Во время работы в КНР Н. Н. Чебоксаровым собраны новые материалы по этнической антропологии южного Китая: обследованы китайцы (хань) Гуандуна, яо, ли, мяо, хуэй в г. Гуанчжоу и на острове Хайнань. Материалы эти готовятся к опубликованию.

⁴⁸ Во время печатания настоящей статьи в китайском журнале «Синьвэнь хуабэо» (1959, № 4, стр. 51) появилось краткое сообщение о находке в уезде Люцзян Гуанси Чжужанской автономной области полного черепа и костей конечностей человека, принадлежащего к виду *Homo sapiens*. Скелет этот относится, по-видимому, к неолитической стадии антропогенеза. Вместе со скелетом найдены кости ископаемых животных, в частности бамбукового медведя (гигантской панды). Орудий и других культурных остатков найдено не было.

There is no doubt that the oldest representatives of the hominids in China were the *Sinanthropus* (the Peking men). Many remnants of their bones and culture have been discovered in the caves of Choukoutien in the environs of Peking. They lived during the period of the lower paleolithic. The *Sinanthropus* belong to the most ancient (protoanthropic) stage of anthropogenesis. The so-called «Mapa-man» probably belongs to the same stage. His skull was found in 1958 in the North of the Kwangtung province in the Chunkiang district in one of the caves near the Mapa village. The hominides of the following, the paleoanthropic stage of anthropogenesis corresponding to the Neanderthal men of Western Asia and Europe, are represented in China by bone remnants of ancient men from the Lungtung cave in the Changyang district of the Hupei province (1956), from Tingtsun in the province of Shansi (1954) and from Sjarassogol in the region of Ordos (1911, 1957). Stone instruments of the middle paleolithic type were also found with the remnants of the Dintzum and Ordos men.

Men of the neoanthropic stage of anthropogenesis, which belong to the *Homo sapiens* species and lived in the upper paleolithic time, are represented in China by skulls from Tzeyang in the Szechwan province (1951), from Leipin in the Kwangsi province (1956) and from Shangtingtung (the «Upper Cave») in Choukoutien (1933). A bone awl was found with the Tzeyang skull, and a number of stone and bone implements were found with the Shangtingtung bones. The comparative analysis of more recent paleoanthropological and archeological finds shows that the upper paleolithic men of China belonging probably to the Mongoloid great race should be regarded as direct descendants, of the Hominides of the middle and lower paleolithic. A succession may also be noticed of the upper paleolithic, mesolithic and neolithic cultures created by men of the modern species (*Homo sapiens*), who probably belonged to different branches of the Mongoloid race, to the Northern, Eastern and Southern ones.
